Когда Инко Мидория позвонила ей, беспокоясь о своем сыне, у Мицуки Бакуго было не так уж много способов ответить. Инко была одной из ее самых близких подруг в колледже, и она была одной из немногих, кто встречался с мужем Инко и точно знал, в чем заключалась его причуда. Они были подружками невесты на свадьбах друг друга. Мицуки была той, кто подтолкнул Инко оставить работу придворного писца и осуществить ее мечту стать шеф-поваром, в то время как Инко была одной из немногих, кто всегда мирился с ней в моменты ее гнева.

Поэтому, когда ей позвонили из полиции и сказали, что ее единственный сын попал в отделение неотложной помощи, потому что столкнулся с серо-зеленым разъяренным зверем, она поняла, что за этой историей кроется нечто большее.

Конечно, она была очень обеспокоена, ее сын был в больнице и серьезно ранен, но мысль, вертевшаяся в глубине ее сознания, просто не уходила. В новостях говорилось, что это была первая активация причуды, и сейчас человек находится в реабилитационном центре причуд. И в то же время маленький Изуку теперь находился в реабилитационном центре для причуд. А монстр, который причинил боль ее сыну, был точной копией причуды отца Изуку, Халка.

Итак, как только Кацуки, несмотря ни на что, был полностью исцелен, выписан из больницы и вернулся к домашней жизни, Мицуки поговорила с ним о том дне.

Потребовалось совсем немного подглядывания, прежде чем сопляк проболтался, каким бы тупоголовым он ни был, он все еще был ее сыном, и она могла читать его ярость, как открытую книгу. Да, причуда, из-за которой его госпитализировали, принадлежала Изуку, и это проявилось только потому, что Катцки вел себя с милым ребенком Инко гораздо хуже, чем обычно.

Хотя она была очень зла из-за этого, последней каплей стало отношение Кацуки ко всему инциденту. Он хотел еще раз сразиться с Изуку, когда выйдет, матч-реванш, когда он не будет "удивлен этим дерьмовым Деку".

В промежутках между криками и взрывами, последовавшими за этим спором, соседи были обеспокоены тем, что в соседнем доме начинается Третья мировая война, но к тому времени, когда пыль улеглась, Мицуки торжествовала над своим взрывным отпрыском-сыном. Закон был установлен в семье Бакуго, и Кацуки просто предстояло научиться жить с ним.

Если бы ее сын хотел быть чертовым героем, ему пришлось бы следовать правилам героизма, и Мицуки сейчас вводила их в действие. Герои были образцами для подражания для общества, они не были людьми, которые использовали в своих интересах тех, кто ниже их. Даже Старатель, который был печально известен своей жестокостью в работе и воздержанием, ни разу не был уличен в публичном унижении усилий коллег-героев или офицеров полиции.

Кацуки мог чувствовать все, что хотел. Мицуки знала, что не сможет остановить это, но то, что он показывал, нужно было контролировать. Сначала он сопротивлялся этой идее, но один-единственный ее вопрос пресек его протесты.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы Всемогущий превозносил свою силу над кем-либо? Видели, чтобы он смотрел на кого-либо свысока из-за своего положения героя номер один в мире?

Это заставило сопляка задуматься, и в течение многих лет в семье Бакуго было найдено временное равновесие. Кацуки никогда не капризничал, когда его не было дома, приберегая свои жалобы на учителей и одноклассников, когда он благополучно возвращался домой и был вдали от других. А Мицуки позволила собственной агрессии и гордости остаться нетронутыми, хотя и слегка скрытыми от большинства окружающих.

И теперь, спустя годы после инцидента, ее сын пришел домой более самодовольным, чем она когда-либо его видела, и теперь Инко звонила ей по поводу следов ожогов и травм на теле ее сына, который уже изо всех сил пытался жить нормальной жизнью, принимая тяжелые препараты, подавляющие причуды.

Не нужно было быть гением, чтобы сложить все кусочки воедино, и как только она закончила разговор со своей обезумевшей подругой, Мицуки ворвалась в комнату своего сопляка. Она знала, в какой ситуации оказались ее сын и она сама, о невозможном решении, которое приняла Инко, основываясь исключительно на своей вере в силу духа своего сына, о том, как ужасно она, должно быть, себя чувствует, наблюдая, как ее сын двигается почти как в замедленной съемке в каждый момент бодрствования.

— Сопляк, сядь и заткнись, у нас будет еще один разговор. — прорычала Мицуки, ворвавшись в комнату своего сопляка, отметив отсутствие в ней организованности.

— Как скажешь, старая карга. — процедил Кацуки, отодвигая кресло от компьютера, на экране появилось видео с "Всемогущим".

— Ты помнишь, о чем я спросила тебя после того, как ты вышел из больницы, о "Всемогущем"? — Мицуки задала вопрос своему сыну, получив в ответ медленный кивок и рычание. — Что ж, позволь мне перефразировать это для тебя, потому что, похоже, ты совершенно это забыл. Если бы Всемогущий напал на кого-то, чья причуда была заперта от них по соображениям безопасности, рискнул бы он, чтобы эта причуда преодолела меры предосторожности, принятые для удовлетворения его собственного эго?

Кацуки застыл на своем месте, на лбу у него выступила капелька пота, а на ладонях потрескивало несколько маленьких искр. Он ясно понимал, что она знает, и его вот-вот отчитают за его действия. Несмотря на все крики, которые раздавались в доме Бакуго, именно когда члены взрывоопасной семьи затихали, другим следовало беспокоиться, потому что именно тогда они были по-настоящему взбешены.

— Я могу понять, что ты, возможно, не испытываешь положительных чувств к Изуку после того, что произошло, когда пробудилась его причуда, но это не повод набрасываться на него в ответ. Ты был тем, кто начал этот конфликт, он был тем, кто его закончил. И на этом все заканчивается. — Мицуки обратилась к сыну свысока, наблюдая, как выражение его лица сменилось с легкого колебания на гнев.

— Я проиграл этот бой не этому бесполезному Деку, я проиграл его из-за его гребаной причуды, а без нее он ничто. — выплюнул Кацуки, — Даже после стольких лет, проведенных в работе с настоящими профессиональными героями, он все еще не может контролировать это в повседневной жизни.

Мицуки наблюдала за своим сыном, когда он бушевал из-за Изуку, уже ожидая, когда он переведет дух и она выступит с очередным опровержением его аргументов.

— Итак, ты говоришь, что в людях есть нечто большее, чем их причуды, потому что это первый раз, когда что-то из того, что я сказала, кажется, дошло до твоего толстого черепа, и ты используешь это совершенно вне контекста. — Мицуки оборвала слова своего сопляка в ту секунду, когда он сделал паузу, заставляя чтобы он снова прекратил свою ярость против Изуку.

— Изуку победил тебя, поэтому ты признал, что есть и другие сильные стороны. — Прямо сказала Мицуки, зная, какой вывод сделал ее маленький сын из ее слов в сочетании с его травмой от рук Изуку. — И теперь ты говоришь, что у них могут быть любые причуды, и они все равно ничего не стоят из-за того, кто они есть.

Кацуки зарычал и попытался возразить, но ледяной голос Мицуки оборвал его.

— Так что же это делает тебя кем-то вроде супермена, у которого есть как мощная причуда, так и правильный характер. В тебе много чего есть, Кацуки, но ты, мой сын, не такой. — Слова Мицуки лишили Кацуки последних сил, когда она, наконец, избавилась от гордости, которую дали ее сыну годы подлизывания и потворства другим.

http://tl.rulate.ru/book/100330/3491523